

Шарль де Голль Сталин

Во всяком случае, известия, приходившие из различных источников, создавали впечатление, что русские армии, понесшие урон в первых сражениях с наступавшими немцами, постепенно вновь обретали свою силу, что весь народ целиком поднимался на борьбу и что в эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси¹⁵⁴.

Сикорский имел длительную беседу со Сталиным. По возвращении, рассказывая мне о своих переговорах, он изобразил мне Кремлевского властелина как человека, объятых тревогой, но сохраняющего при этом всю свою проницательность, суровость и хитрость. «Сталин, — сказал мне Сикорский, — в принципе согласился с заключением договора. Но то, что он включит в этот договор сам и то, что он потребует от нас, будет зависеть от соотношения наличных сил, то есть от того, встретим ли мы поддержку на Западе или нет¹⁵⁵.

...Конференция, происходившая в Тегеране в декабре 1943 года, только усилила их опасения. Разумеется, участники конференции — Рузвельт, Сталин и Черчилль — не скупилась на успокоительные декларации и утверждали, что они встретились для обсуждения стратегических вопросов. Однако просочившиеся сведения были отнюдь не утешительными для эмигрантских правительств. Вопреки официальным секретам, они вывели самое существенное из того, что происходило в Тегеране. Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии.

...Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную.

...Уэнделл Уилки дал понять, что Черчилль и Гарриман вернулись из своей поездки в Москву неудовлетворенными. Они оказались перед загадочным Сталиным, его маска осталась для них непроницаемой.

Источник: Де Голль Шарль. Военные мемуары. Кн. II. М., 1960. С. 235–236, 239, 430